

Ранним весенним утром, в половине двенадцатого, с запада, со стороны деревни Хитровки, в Лондон вошел молодой человек лет двадцати восьми. ... Ничуть не прибитые весенними дождями магнолии благоухали как парфюмерный отдел Harrods и щекотали ноздри великому комбинатору, потомуку янычаров, ступившему на землю наследников Ост-Индской империи. Вечно манящая муза дальних странствий на этот раз облюбовала для своего подопечного модный приют всех опальных его соотечественников, у кого водилось нажитое непосильным капиталистическим трудом.

Турецкоподданный уверенно мерил шагами викторианские улицы. В стране, где олигархи ссорятся публично, с привлечением газет и соцсетей, где массово отмечают масленицу и травят провинившихся полонием, поле для деятельности казалось Остапу неограниченным: один сбыт агитфутболка для оппозиционных сходок сулил постоянный доходец на первое время. Дальнейшие планы комбинатора спотыкались на старте - на незнании языка. К примеру, услышанное по охрипшему радио «I'm going to make you mine», в его сознании переводилось как «Я иду копать тебе шахту». Но Остап, человек феерических способностей обрастать полезным сбродом, направлялся к тому, кто мог бы смягчить его лингвистическое фиаско и завязать полезные знакомства, – к полуспившемуся переводчику, Гурию Стасиковичу Здавинчиусу.

История их знакомства уходит корнями в те горестные времена, когда Остап лишился выстраданного богатства на румынской границе. Гурий Стасикович был талантлив и вхож в местную богему, где нередко появлялись недавно сделавшие ручкой родине русские олигархи, в умах которых пойманной мухой жужжала идея революции.

При встрече великого комбинатора и переводчика эмоций было мало, в отличие от идей быстрого обогащения, которыми фонтанировало воображение первого. Революционная деятельность, сулившая, как всякая политика, солидные барыши, была выбрана основным вектором мошеннического направления. По итогам совещания Стасикович по телефону расписывал будущему спонсору революции преимущества участия в кампании, предварительно сформулированные Остапом на мятой салфетке. Встреча была назначена на завтра.

На следующий день Остап в своей полководческой манере напутствовал товарища в приёмной богатого лондонского особняка.

— Запомните, Гурий: ни единого лишнего слова! Говорить буду я, вы только поддакивайте. Заграница нам поможет, — прошептал Остап и втолкнул Стасиковича в кабинет.

Опальный олигарх стоял у раскрытого окна, задумчиво глядя на блестящие воды Темзы.

— Родина в опасности, — начал с тревожной ноты Остап, — на наших глазах

она погружается в пучину тирании и узурпации. Мы, молодые демократы из «Оппозиции России» не можем больше этого терпеть!

— Да уж, — кивнул Гурий Стасикович, которого Остап пихнул локтем в бок.

— Позвольте представиться. Впрочем, вы наверняка узнали представителя проекта «Гражданин Поэт», гиганта мысли и отца русской демократии. И я, повивальная бабка оппозиционного движения, турецкоподданный Остап Сулейман Берта Мария Бендер бей, к вашим услугам.

— За нами лучшие поэты и актеры. Быков! Ефремов! Миллионы людей по всему миру готовы выйти на площади, вдохновлённые пламенными речами наших непримиримых авторов.

— Да уж, — пробормотал гигант мысли.

— Но, увы, этого мало, — сделал скорбное лицо Остап, — нам необходимо дополнительное финансирование, чтобы заручиться поддержкой в борьбе против жуликов и воров. Мы вместе выступим под белым флагом победы. Только представьте: вся Болотная заполнена нашими людьми, последовавшими примеру вдохновлённых сатирой лондонцев! И все как один — в белых штанах. Это будет торжество демократии...

Остап выдержал паузу, чтобы олигарх оценил величие картины.

— Ну, хорошо... — начал было впечатлённый миллиардер, как вдруг дверь распахнулась и в комнату влетел кудрявый молодой человек лет двадцати.

— Я это, от «Гражданин-Поэта». За бабками, короче, — сообщил он, показывая спортивную сумку, зияющую изголодавшимся по фунтовым пачкам нутром.

— Так вот же их представители, — недоумённо произнёс олигарх, указывая на Остапа с Гурием Стасиковичем.

Воцарилась гробовая тишина. Слышно было, как вдалеке тикает Биг Бен.

Положение спас Великий комбинатор. Широко расставив руки, он крикнул «узнаю звукооператора Колю», и набросился на парня с объятями.

— Это же Коля, наш звукооператор! Какая встреча! Вот он, рупор демократии! Вот он, человек, стократно усиливающий глас революционных поэтов! — и Остап запечатал рот пытающегося возразить Коли страстным поцелуем.

Рупор демократии ошарашенно хлопал глазами и не мог собраться с мыслями после неожиданного натиска.

— Хорошо, — сказал опальный олигарх, затушив сигару о золотую пепельницу, — мы перечислим необходимые средства из оффшоров. Надеюсь, это поможет вам в нашей борьбе.

— Можете не сомневаться, все до пенса пойдёт на благое дело!

Сияющий Остап пожал протянутую руку и взглянул на пискнувший мобильник.

— Прошу прощения, лимузин уже ждет. Нам пора шлифовать агитматериал и пробовать его на русскоговорящих представителях парламента.

И Остап двинулся в сторону выхода, подталкивая так и не пришедшего в себя звукооператора. Оглянувшись у двери, Остап с ужасом заметил, что оставил на минуту Здавинчиуса одного. Это было непоправимой ошибкой. Отец русской демократии уже крутил пальцами пуговицу на пиджаке олигарха и заискивающе вопрошал:

— А... не могли бы вы ещё одолжить мне до завтра фунтиков этак пять... восемь... на метро?..

